

ПАВЕЛ
ФЕДОРОВ

ПОГРАНИЧНАЯ ТИШИНА
ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Тайный фронт

Павел Федоров

Пограничная тишина

«Алисторус»

2026

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

Федоров П. И.

Пограничная тишина / П. И. Федоров — «Алисторус»,
2026 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-446-4

Автор этой книги, замечательный советский писатель Павел Ильич Федоров (1905–1983) добровольцем ушел на фронт в 1941 году, служил в конной разведке. Не раз был ранен, и вернулся с войны инвалидом. Большую известность принесла ему повесть «Генерал Доватор». Позже он посвятил свое творчество остросюжетным произведениям о советских пограничниках. Поездки на заставы, пограничные корабли, в пограничные отряды и округа давали ему богатейший материал для творчества, питали его новыми идеями, сюжетами, характерами. Если вы хотите узнать о том, как охраняли государственную границу в СССР в разгар холодной войны, читайте эту книгу, в которой — подлинный дух того времени. Действие этой повести разворачивается в Советской Белоруссии, на западных рубежах страны. Шпионы и защитники Отечества, диверсанты и честные советские люди, малодушие и храбрость — это вечный бой. Повесть будет держать вас в напряжении до последней страницы.

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

ISBN 978-5-00269-446-4

© Федоров П. И., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

I	6
II	11
III	15
IV	18
V	23
VI	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Павел Федоров

Пограничная тишина

© Федоров П. И., правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

I

В Белоруссии есть небольшая деревушка – «веска», как называют ее местные жители, – Ясенка. Приютилась она на берегу озера Ясное, заросшего густым разнолесьем. Здесь даже в самые ветреные дни не шибко плещутся волны, а вода от зелени лесной кажется синей, ласковой. А в погожую тишь в зеркале лесном, словно в сказочном диве, стоят опрокинутые верхушками вниз желтые сосны, черно-пестрые березки с зеленым, как бархат, дрожащим листом, кряжистые дубы с темной шершавой корой.

Природа одарила ясенчан не только разнолесьем, озерами, кишачими рыбой, но и топкими болотами с духовитым багульником и плешивыми от песка безымянными высотками. На одной из таких высоток несколько лет тому назад была построена пограничная застава номер... Но не в номере, в конце концов, дело – у заставы есть другое название – Андреевская. Когда оно родилось и почему так прочно закрепилось за Ясенками, теперь уже никто сказать не может. Все жители ближайших деревень, руководящие работники местной власти и колхозов, воины да и большинство пограничников, начиная от Бреста и кончая Прибалтикой, иначе ее и не именуют. Нужно сказать, еще не было такого в практике погранвойск, чтобы застава называлась именем здравствующего начальника, да и, пожалуй, не часто случается, чтобы офицер продержался на одной и той же заставе более двух десятков лет. Однако Павел Иванович не только продержался, но честно прослужил все эти долгие годы. Застава его неизменно была в числе передовых. Были и трудности, особенно на первых порах. Но это уже прошлое. Не раз начальство предлагало Андрееву переменить диковатую лесную веску Ясенку на Черноморское побережье, на веселую, солнечную Молдавию, но Павел Иванович не соглашался.

– Отказаться от Черного моря? Ну, Павел Иванович! – сослуживцы разводили руками.

– Говорят, на Крымском побережье уникальный климат? – спрашивал Павел Иванович, делая такой вид, словно всю жизнь мечтал попасть в это сказочное место.

– Вот именно уникальный!

– В чем же его уникальность?

– Так это же теплая чаша. С севера и с востока прикрывает эту чашу аипетринская скальная гряда высотой в семьсот пятьдесят метров. Там растет самый сладкий виноград... Детишки твои когда-нибудь наедались винограда досыта?

– Каждый год лопают вволю.

– Поди, привозил из санатория...

– Эка, брат, что придумал! Все лето ежедневно заявлялись домой с черными до самых ушей губами от черники, с красными носами от малины, земляники, черной смородины... Они родились тут, в этом приволье. Здесь совершались все первые открытия: и первый цветочек, и первая ягодка на пригретой солнцем кочке, и первый букварь на школьной парте. Застава – это их родина. Неужели нельзя понять, что в Шаштокайских лесах все для них родное: и кустики, и пролески, и ежата, и дикие козленки, лосенки, которые зимой сами приходят на заставу в гости. Наверное, это все же хорошо. Но вот когда мы для своих детей ищем ягодки послаще...

Не раз Павел Иванович вспоминал о таком разговоре, когда о нем проявляли особую заботу. Его же заботило совсем другое. За двадцать лет жизни в Ясенках он так свyksя со службой, слился воедино и с казармой, знакомо красневшей черепичной крышей, и с конюшней, наполненной душистым сеном, и с целой шеренгой стройных, шумливых, по-настоящему родных берез. Как можно было забыть его первый приезд на заставу! Было ему тогда двадцать с чем-то лет. Застава была новенькая и, как он сам, молодая, окруженная пышными приземистыми елочками.

– Комиссия должна прибыть из отряда, – сказал ему старый начальник, знакомя с хозяйством заставы, – вот я и приказал навести порядок, дорожки порасчистили, елочки велел посадить... Что, плохо, скажешь?

– Ничего, – кивнул лейтенант Андреев. Он был застенчивый, скромный офицер.

– Начальство нужно уметь встречать, – поучал капитан.

Павел Андреев не знал толком, как надо встречать начальство, и боялся признаться в этом, совсем не подозревая, какой выйдет конфуз с елочками. Проходили дни, а начальство не появлялось. Не дождавшись его приезда, капитан укатил в отряд оформлять свою демобилизацию. Весенние дни становились все жарче, елочки съежились и начали менять цвет, превращаясь из ярко-зеленых в бурые. Однако молодому начальнику хватало дел и без елочек. Он добросовестно осваивал участок границы, вывозил солдат на стыки, бороновал контрольно-следовую полосу, проверял, неизвестно в который раз, надежность сигнализации и почти совсем забыл о комиссии. Она нагрянула неожиданно – под вечер и была не просто комиссией поверяющих: прибыл генерал из округа, захотевший познакомиться с делами молодого хозяина заставы. Его сопровождали начальники отряда и политотдела.

Рапортуя генералу, лейтенант Андреев стоял между кудреватými елочками, на посыпанной песком тропочке, ведущей к входу в помещение заставы. Приняв рапорт, генерал почему-то сразу же заинтересовался елочками, подозрительно переменявшими цвет, потрогал за кончик веточки самую кокетливую. Она затрепетала под крепкой рукой генерала – старого рубаки и брызнула сухими иголками в разные стороны. Генерал потянул за ветку сильнее. Елка совсем бесстыдно оголилась и покорно легла ему на плечо.

– Это что же, маскарад с Нового года? – освобождаясь из объятий увядшей красавицы, спросил генерал.

О том, как дальше развивались события, Павлу Ивановичу, когда он устроил себе выходной день и надел шелковую тенниску, вспоминать не хотелось. Однако память – штука назойливая, порой фотографически точная: разве можно было забыть, как высокий, подтянутый генерал, в отутюженном кителе, шагал вдоль ряда елочек и легко вынимал их из земли одну за другой? Следом за ним молча шло начальство из отряда, сердито отбрасывая в сторону осыпавшуюся декорацию. Хотя Павел Андреев и не принимал участия в сооружении такого украшения, но все равно ему было стыдно и за уехавшего капитана, да и за себя тоже...

В тот же день генерал вместе с сопровождающими уехал на соседнюю заставу. Долго Павел Иванович стыдился смотреть солдатам в глаза и не мог успокоиться до тех пор, пока не съездил в лес. Ходил с лопатой в руках от одной молодой березки к другой, полюбившуюся выкапывал с корнем. Солдаты осторожно вынимали ее вместе с землей, бережно несли и укладывали на застланную брезентом бричку. На месте, где стояли декоративные елочки, Андреев посадил настоящие березы. Они выстроились вдоль казармы, шагнули стройным рядком до жилого офицерского дома, образуя чудесную аллею, как в знаменитом Беловежье, где начальником заставы сейчас приятель Павла Ивановича – Алексей Гордеевич Григоренко. Но тогда еще не было его в Беловежах, как не было даже в помине и этих березок, которые теперь серебрились на утреннем солнце чистыми стволами, звонко и молодо играя рубчатыми листочками. Время бежит и быстро укорачивается, как полуденная тень. Такова жизнь. Березки, посаженные Андреевым два десятка лет тому назад, стрельнули верхушками поверх крыши казармы. Одну, самую крайнюю от жилого дома, в прошлом году хлестнула молния и расщепила от макушки до комля. Умерла березка. Пришлось спилить. Павел Иванович сам спилил ее лучковой пилой – срезал нарочно повыше, чтобы можно было в свободную минутку посидеть на пне, выкурить сигарету и обдумать очередные деда.

Хорошо курилось и в это солнечное, тихое утро. Павел Иванович всласть затянулся, пустил перед носом дымок и по-хозяйски оглядел заставский двор. Шофер Архип Боцун выкатил из гаража своего «бобика», поднял капот и копался в моторе; дежурный по заставе, сержант Костя Ломакин, встретил у входа в казарму пришедший с охраны границы парный наряд и повел к щитку, где полагалось разряжать оружие. Послышались знакомые щелчки, и Павел Иванович представил, как солдаты вынули обоймы с боевыми патронами, Ломакин поковырял в патроннике железным крючком и, убедившись, что автоматы разряжены, повел наряд в казарму для доклада дежурному офицеру. Этим офицером сегодня был заместитель Андреева по политчасти, младший лейтенант Федор Терехов. Год тому назад он окончил курсы младших лейтенантов. С первых же дней Павел Иванович убедился, что его помощник не все умеет и знает, но взял с молодым комиссаром, как он называл замполитов, свой обычный, отеческий тон. Майор не любил заниматься поучительством, а больше старался показывать и разъяснять. После знакомства замполита с личным составом и участком границы приказал ему составить план политико-воспитательной работы, тут же просмотрел его и сказал:

– Ну нравится, что комиссаром назвал? А ты и есть настоящий комиссар! Забыл, откуда замполиты пошли?.. Ты гордись и цени свою должность и всегда помни, что она, эта замполитская должность, к тому же и партийная.

– А я и комиссар-то беспартийный, комсомолец только, – еще больше краснея, ответил Терехов.

– Так у тебя, друг, все впереди!

Первое свое занятие замполит Федор Терехов проводил через два дня. Свободных от службы солдат дежурный собрал в помещении. Узнав об этом, Павел Иванович сказал Терехову:

– Душно в комнате, проводите занятия в беседке.

Свежевыкрашенная, в зеленый цвет, беседка была просторной. Над нею покачивались андреевские березки и кусты сирени. Павел Иванович занял место за своим письменным столом перед внушительным фолиантом пограничной книги. Через открытое окно ему хорошо было слышно, как замполит бойким голосом отчетливо читал выдержки из статьи, напечатанной в журнале «Блокнот агитатора». Речь шла о пятилетнем плане в цифрах.

После перерыва Андреев зашел тогда в беседку, усадил рядом с собой замполита и все, что тот перед этим читал, просто и коротко рассказал солдатам своими словами. Терехов и сам невольно заслушался. В пересказе майора слова и цифры как бы оживали, становились доходчивее, примеры звучали по-иному и легче запоминались.

Когда они остались вдвоем, Павел Иванович, как бы между прочим, сказал:

– Когда руководитель занятий читает по бумажке, он изнуряет слушателей непосильным трудом. Да и пользы от него мало. Прочитать напечатанное или выписанное из книги может каждый грамотный, а вот рассказывать и учить может только хорошо знающий свое дело. Что выучил и запомнил сам, должно зацепиться в памяти и у слушателей.

Федор Терехов надолго запомнил свое первое занятие на заставе. Поначалу было немного обидно. Ведь должен майор считаться с его авторитетом заместителя начальника заставы по политической части. Название должности звучало солидно, весомо и радостно заворачивало сознание молодого офицера. Да и сам Федор еще так был зелен, наивен в новом, привлекательном для него положении и пока находился в полном неведении о своих педагогических способностях. Решил откровенно поговорить с майором с глазу на глаз и высказать все, что он думает по этому поводу. Но Павел Иванович, словно предвидя это, опередил своего заместителя. Когда они остались в канцелярии вдвоем, спросил без всякой церемонии:

– Считаете, что я поступил неправильно?

Федор Терехов выпрямился и удивленно расширил глаза. Он не ожидал, что Павел Иванович начнет разговор первым. Собравшись, ответил:

– Считаю, товарищ майор.

– Наверное, подумали и об авторитете командира?

– Думал, – ответил Терехов и насупился. Прозорливость майора начинала его смущать.

– Это хорошо, что думал... – Павел Иванович приблизил к себе расписание занятий, поудобнее уселся в своем старом, потертом креслице. – Но дело-то в том, что пока еще этого авторитета не было и не могло быть... А если и оставался какой, скажем, чисто должностной, то терять его нельзя, как и нельзя проводить наскоком политзанятия.

– Я готовился...

– Возможно. Но первое занятие – все равно что первый ответственный экзамен. Вы же добросовестно переписали напечатанное в тетрадку и читали... В то время как весь материал надо прорабатывать до полного усвоения и помнить, что каждое ваше слово солдаты контролируют, размышляют, а потом обсуждают в своем клубе...

– В каком клубе?

– В солдатском... – Павел Иванович поднял на Терехова светлые, молодо улыбающиеся глаза. – В сушилке, товарищ замполит... Вы что, голубчик, забыли солдатскую службу? Солдатскую жизнь забывать нельзя, потому что это самая трудная и самая мудрая школа. Кстати, о ваших взаимоотношениях с солдатами...

Бывший солдат Федор Терехов знал, какие и он в свое время вел разговоры в сушилке, но, став офицером, успел позабыть. Не легко ему было первое время не только с проведением самостоятельных занятий, не сразу наладились и отношения с подчиненными: то он слишком нажимал на командный тон, а то вдруг на волейбольной площадке смешивался с солдатами, превращался из замполита в светловолосого вихрастого Федьку Терехова, пускался в пустяковые споры, горячо доказывая, где, за какой чертой упал мяч.

– Существуют этические нормы поведения офицера перед солдатами. Где бы вы ни находились, Федор Терехов, вы должны всюду, без зазнайства и подчеркивания, оставаться офицером, тем более – в кругу ваших подчиненных... А в случаях с волейбольными мячами нужно целиком полагаться на судью, помня, что в любых условиях солдаты с необычной ясностью видят поступки офицера и делают выводы.

Так, шаг за шагом, Павел Иванович доводил младшего лейтенанта Федора Терехова до необходимой командирской зрелости, давал советы, как и что читать, называл литературу и разрешил пользоваться своей библиотечкой, которую любовно подбирал многие годы.

Павел Иванович знал, что молодые офицеры в большинстве своем люди грамотные, развитые, но у них мало было практического, жизненного опыта, и потому им не все удавалось

в работе с личным составом. Прибыв на заставу, они фактически проходили вторую школу у таких умных, опытных практиков, как майоры Засветаев, Андреев, Григоренко, знавших не только из теории, но и из богатого жизненного опыта, что такое пограничный порядок, который начинается с чистого подворотничка и кончается изучением солдатских душ и тактики предполагаемого противника.

Павел Иванович докурив сигаретку, бросил под ноги, придавил тапочкой и вдруг с облегчением почувствовал, что он сегодня свободен до вечера, может сходить с дочерями в лес за грибами или посидеть на берегу озера с удочкой и вытащить на зорьке золотоперого карася, а то и метрового угря. Рыбалкой он увлекался самозабвенно, но не меньше любил налаживать снасти. Если выпадало свободное время, он любил сидеть на своем пенечке, строгать для поплавка пенопласт, привязывать крючки, мормышки, настраивать удилище, распутывать до последнего узелочка бороды. Этим он и занялся, чтобы после завтрака отправиться на Ясное.

Когда удочки были приготовлены, донки проверены, червяки нарыты, с завтраком покончено и уже надеты на ноги резиновые бахилы, прибежал младший лейтенант Терехов и доложил, что в районе пограничного знака № 236 нарушена граница, на контрольно-следовой полосе обнаружены следы...

II

С подножки одного из вагонов прибывшего на станцию Сувалки поезда вместе с разногласой, пестро одетой толпой пассажиров привычно и ловко спрыгнул невысокий плечистый парень в темно-серой спортивной куртке, в головном уборе польского образца, с опояской на околыше и большой пряжкой из черной пластмассы над козырьком. Выйдя на привокзальную площадь, он на мгновение остановился, бросил цепкий взгляд на единственный легковой автомобиль с табличкой такси за ветровым стеклом, быстрыми шагами решительно направился к ближайшему кондитерскому ларьку, купил несколько плиток шоколада и только после этого уверенно пошел к машине, освобождая на ходу шоколадку от зеленоватой обертки.

Водитель такси был человек с опытом и сразу догадался, что прибывший пассажир нездешний и явно куда-то спешит. Профессия обязывала сделать вид, что торопящиеся люди ему не в диковинку, а колеса машины успеют наvertеться.

Но приезжий тоже был не дурак и хорошо знал, чем можно подогреть душу таксиста, чтобы колеса вертелись быстрее: если не злотыми, то вольным, панибратским разговором или доброй сигаретой. Перебросив вместительную на молнии сумку из одной руки в другую, он приветливо помахал таксисту, как давнему знакомому, спокойно и независимо доел шоколадку и сразу же сбил с владельца машины шоферскую спесь, заставив спросить:

– Тебе далеко, панове?

– Да тут, до Закраек. Наверное, знаешь? – безразличным тоном ответил приезжий, всем видом своим показывая, что езды тут пустяк.

– Аж до Закраек! – разочарованно протянул шофер и вытащил из кармана замасленных джинсов пачку сигарет.

– Твоя, собственная? – показывая наметанным глазом на старый «мерседес», спросил приезжий.

– Пусть моя... тебе-то не все равно? – словно стыдясь своего потрепанного автомобиля, ответил шофер. Он не любил, когда в нем угадывали частника. В Польше постепенно отмирало это занятие.

– Мне что... мое дело дать тебе неплохо заработать. Я вижу, ты свой хлопец.

Шофер раскурил сигаретку и даже не повернул головы, хотя крепкий, сероглазый приезжий привлекал своим простодушием.

– Не хочешь ехать, так и скажи, – угадав его мысли, сказал приезжий.

– Далековато...

– Двадцать километров для такой машины!

– Дело не в расстоянии... Там же граница...

– Ну и что? – быстро спросил пассажир.

– А то, что нет охоты туда ехать...

– Думаешь, мои злоты хуже других?

– Ничего не думаю...

– Так в чем же дело?

– А в том, что мне нужно знать, кого я везу. Там граница, любой простой пан путевой лист наизнанку вывернет...

– А-а-а! Подумаешь! Начхать мне на всех простых и вельможных пановей! За свои деньги я сам себе воевода и хочу быстрее прокатиться до Закраек. Сестренку не видел четыре года. Ты можешь понять, что такое четыре года?

– Ты тут родился?

– Нет.

– Я же сразу угадал, что ты не из наших мест...

– Тебе что, рассказать биографию? Так слушай, приятель: родился я в Литве, там за кордоном, а здесь сестра замужем. Вот и решил наконец повидаться... Любимая моя сестренка! Подкатим на машине аж под самые ставни. Вот будет рада!

Таксист еще внимательнее оглядел пассажира, которому предстояла радостная встреча с сестрой, остановил свой потеплевший взгляд на его добротной куртке и на новом кепи. Особенно ему приглянулась почему-то черная пряжка над козырьком и вдруг захотелось самому иметь такую модную фуражку.

– Как тебя зовут? – смягченно спросил он.

– Изодас Карпюкович.

– Ты не поляк?

– Наполовину литовец, на другую белорус. Так батько окрестил, чтобы не было обидно ни той, ни другой стороне, – весело ответил Изодас.

– А я Стась Милевич, с Сувалок, – заражаясь веселым настроением пассажира, ответил Стась. – Значит, у тебя сестричка в Закрайках?

– Да я ж тебе сказал!

– И то правда...

– Каждый год собирался, да все дела не пускали...

– А где живешь?

– Да в Грудзендзах же! Там и работаю.

– Кепо тоже там купил?

– Кепо купил в Ольштынах. Нравится? Могу подарить. – Изодас с готовностью стащил с головы кепку.

– Не надо.

– Так едем? Нагрянем неожиданно... То-то будет переполоху!

– Еще бы! – сочувственно произнес Стась. – Ладно. Садись, подкину я тебя, так и быть. Выпьешь и за меня чарочку.

– Ты будешь самым желанным гостем.

– За рулем нельзя. Давай влезай.

– Спасибо! Я же говорил, что ты свой хлопец!

Садясь рядом с шофером, Изодас старался скрыть волнение, но это ему не совсем удавалось. Он рассказал Стасю полуправду. В Закрайках на самом деле жила его дальняя родственница, но он давно уже ее не видел, да вовсе к этому не стремился. Сейчас этим удобнее всего было прикрыть поездку к границе. Именно там, если считать напрямик, за кордоном, в одной из весок оставалась его родная сестра Алина, куда он и держал путь, чтобы появиться в родном селе и засесть под крышу своего дома. Но для этого ему нужно было тайным путем перейти границу. Способ перехода был тщательно разработан. Облегчало задуманное то, что он здесь родился и хорошо знал местность. Но чем скорее приближалась родная земля, тем труднее было сдерживать нарастающую в душе тревогу. Сдвинув на затылок кепку с черной пряжкой, он откинулся на мягкую спинку переднего сиденья, смотрел на мелькавшие поля, на зеленую гряду Августовского леса, где он еще мальчишкой рыскал по опушкам, шарил под кудрявыми елками в поиске грибов. Вспомнилась чисто побеленная отцовская хата с дубовым столом посередине, снизки сушеных грибов и яблок, отбеленные рушники, вышитые узорами, и ни с чем несравнимый дух только что испеченного пирога с яблоками или бульбой. Не забылась и сестра, согнутая от горя при последнем свидании. Как тогда, четыре года назад, ей не хотелось отпускать брата в чужие края!

– Пропадешь ты, Изодас, со своими недобрыми делами, – говорила она. Истая католичка, Алина испуганно верила в бога и с детства внушала брату эту свою веру. Они рано остались без матери и жили под крепкой рукой отца. Он тоже был яростным католиком, но это не мешало ему заниматься самогонварением. Работая на кирпичном заводе бухгалтером, сначала выпивал, как и многие, а однажды выпил лишнее и в одночасье помер. Добрые люди помогли Изодасу получить образование: он окончил техникум и работал в совхозе электромехаником. Из-за самогонного аппарата, который у Изодаса тоже не стоял без дела, он однажды поругался с председателем сельского Совета Пуласкасом. Тот составил на него акт и оштрафовал. Как-то, напившись самогонки, Изодас поджег председательский дом. Рядом сгорели еще два, чуть не погибли дети. Несколько месяцев Карпюковича продержали в тюрьме, но вины доказать не смогли. Самогонщиков оказалось много, и почти каждый был в ссоре с председателем. После освобождения уехал на Север, прислал сестре несколько писем – писал, что работает в леспромхозе механиком. Потом письма стали приходить все реже и реже, пока не прекратились совсем...

Как Изодас очутился в Польше, было известно немногим... Судьба швыряла его из страны в страну, и в конце четвертого года круг его замкнулся неподалеку от родной вески. Она, как и родная сестра, не выходила из памяти, и в нем сейчас неожиданно вспыхнула жалость к Алине, вспомнилась ее печальная улыбка на сухих тонких губах, когда она говорила при прощании:

– Храни тебя бог от недобрых дел...

А сохранил ли? Изодас старался не думать об этом. Теперь он жил другой жизнью.

«Как только увижу сестру, сразу же дам ей много денег», – подумал Изодас.

«Мерседес» Стась резво катился по новой, гладко укатанной грунтовой дороге, местами выстланной булыжником и засыпанный щебенкой. Сначала дорога бежала через густой лес, а потом выскочила на простор и внезапно нырнула в буйную, начавшую созревать рожь. Почти всюду она была посеяна узенькими длинными полосками. На некоторых уже маячили кучки снопов. На одной из полос, близ дороги, средних лет пан в широченном соломенном брыле взмахивал сверкающей на солнце косой, а паненка, до самых глаз укутанная белым платком,

скручивала перевясла. Когда такси поравнялось с ними, пан опустил косу и помахал рукой, а паненка – перевяслом.

– Единоличники? – спросил Изодас.

– А ты что, с неба свалился? – повернув к пассажиру голову, в свою очередь спросил Стась.

– Да я просто так... – Изодас понял, что он дал промах. О том, что в Польше много крестьян работают на единоличных полях, ему следовало помнить.

– Я-то ведь тоже единоличник... – Стась вдруг с подчеркнутой злостью крутанул баранку, объезжая выбоину.

– Разве я что говорю... Скоро Закрайки? – спросил Изодас.

– Пять километров, а там и твои Закрайки.

Хлебное поле кончилось, и серенький «мерседес» снова вкатился в смешанный лес.

– Вон они и Закрайки! – когда выехали на опушку, крикнул водитель. За высокой, колышущейся рожью зеленел выгон, а за ним в густоте садов розовели черепичные крыши домов. Сердце пассажира учащенно застучало. Он тронул таксиста за плечо, проговорил:

– Спасибо тебе, Стась. Остановись-ка, дружище!

– Зачем? – гася скорость, спросил Стась.

– Так нужно...

– Мы могли бы встать у ворот дома и гудком позвать кого надо...

– Лучше будет, если я заявлюсь неожиданно, – возразил Изодас и отсчитал деньги. Расплатился он не слишком щедро, но и не поскупился. Даже одну купюру немного подержал в руках, а потом сунул Стасю в карман. Горячо, словно с давним знакомым, простился, еще несколько раз поблагодарил, подхватил сумку и вылез из машины. На поле не было видно ни единой души. Солнце поливало теплым светом золотистую рожь, ближние опушки леса, сверкавшие белоствольной березой. Дождавшись, пока машина скрылась за кустами орешника, Изодас круто свернул с дороги и быстро зашагал к притихшему лесу.

III

Рассвет холодит пограничникам лица. Сосны лениво пошевеливают макушками в ожидании солнца. Бесконечной желтовато-серой лентой следовая полоса прорезалась сквозь чащи Августовского леса, строго убегая на юг и север. Заботливо ухоженная, словно под посев, дисковыми боронами, она приглажена ветрами и плотно прибита ливнями.

Контрольно-следовая полоса – это надежная пограничная книга. Здесь, на образовавшейся ломкой корочке, лесное зверье пишет свою постоянную, все время меняющуюся летопись. Вот прошел лось, и, как белую кость, вывернул могучим копытом корень погибшей сосенки, легкие скачки дикой козы оставили стаканчатые ямки. А вон быстрые, юркие кабаны пробежали всем дружным семейством, наверное, укололись горячими пятками о проволоку и вернулись назад в лесные кущи. Только лоси и козы запросто перемахивают через заградительную систему. Иногда, сделав неудачный прыжок, застревают и терпеливо ждут, когда вызволит их подоспевший наряд. Быстро осваиваются хитроумные лисицы и зайчишки – эти понаделали себе тайных тропинок, и солдаты не раз наблюдали, как они забавно ныряют в облюбованные дырки.

Рядовые Виктор Шабашев и Солпар Эмилов знают на полосе все звериные порухи и всякий раз внимательно изучают новые. С каждым днем следов прибавляется все больше и больше, и они исчезают – совсем ненадолго – после того как по ней пройдут тягачи и протачат дисковые бороны. Тогда она делается свежей, пушистой. Так везде, где есть такая хорошо разделанная пашня, которая тянется на многие, многие тысячи километров.

– Эх, брат, сколько можно было бы тут посеять пшеницы! – говорит Виктор. Он хлебобороб и знает в этом толк.

– Еще бы! – соглашается Солпар, идущий впереди.

– А разделано как? Разлюли малина! Заправляй сеялку отборным зернышком и айда!

– Да. Можно много разного добра вырастить, – соглашается Солпар. Сам он с благодушного Кавказа, где каждый кусок хорошей земли может прокормить целую душу. Там все растет, как на опаре.

Наряд только что выступил на свой участок для несения службы по охране границы. Солдаты шагают неторопливым, размеренным шагом. Движение рассчитано до минуты. Им нужно точно прибыть на фланговый стык с соседней заставой, где начальником друг Павла Ивановича, майор Иван Александрович Засветаев. В свое время он служил у Андреева замполитом. Молодыми парнями ломали конец войны, были младшими командирами, старшинами застав, потом кончали офицерские курсы, помогали, учились один у другого, взаимно дополняя друг друга, потому сработались и сдружились накрепко.

По лесной, рассветной хмари шагают солдаты, под ногами чуть слышно поскрипывает влажная от росы супесь, голенища сапог с хрустом захлестывают сухой, поникший к тропе вереск. По обеим сторонам следовой полосы выплывают из густого предутреннего тумана дыбачиющиеся стены соснового леса вперемежку с зелеными лапчатыми елями. Рассветная тишина отступает. В густом березняке, будто радуясь голубому утру, начали свой ранний разговор неугомонные сороки. На сопредельной стороне взметнулись еще две и беспокойно заверещали, как кумушки, спозаранку.

– Ты, Солпар, знаешь, почему дразнится эта вороватая птица? – спросил Виктор. Он знал из книг и бесед начальника заставы, что пограничник должен всякий раз прислушиваться к беспокойному поведению птиц, потому не прочь был поделиться своими знаниями с товарищем.

– Она не дразнится, а наверное, чует какую-нибудь опасность.

– Правильно, – подтвердил Виктор, радуясь тому, что у него такой серьезный, опытный старший наряда.

– Может, зверье какое. Лось али кабанчики.

– К зверям-то сороки давно привыкли. Самый опасный зверь для них – человек, – сказал Солпар.

– Известное дело. Человека все шибко боятся...

– Ладно. Шибко не шибко, ты следы гляди хорошенько.

– Уж так нагяделся, что глаза ломит от этой серой мути. Мало нынче свежих. Спят наши зверушки.

...В это утро звери и зверушки, возможно, еще спали. Не спал на сопредельной стороне человек – Изодас. Вот уже два последних дня он пристально наблюдает за движением пограничных нарядов, внимательно изучает, как на этом участке охраняется граница. Изодас точно высчитал, сколько часов солдаты идут до стыка и в какое время вернутся обратно. Он нарочно выбрал такое место, где ельник и сосняк, густо проросшие молодняком и орешником, подступают прямо к пашне. Туман ему только на пользу, потому он и решил перейти границу на рассвете, чтобы успеть искусно заделать следы. Продумано было все до самой последней мелочи: он не пойдет прямо по полосе, а станет пятиться наискосок, ступая след в след, чтобы на песке осталась одна узенькая цепочка, которую он заделает специальной, заранее приготовленной суковатой палкой; поэтому даже при самом пристальном изучении след его не будет похожим на человеческий.

Не пугает его и сыскная собака – след свой он посыплет специальным порошком. Есть у него еще одно преимущество перед пограничниками: он хорошо знает местность. Здесь он вырос, и ему знакома каждая тропинка. Пока наряд вернется к его следу, он успеет далеко уйти. По старой лесной тропе он спустится к озеру Лясное, пройдет берегом, где наверняка нет рыбаков, а если кого и встретит в прибрежных зарослях, так у него приготовлена леска с крючком. Удилище – пустяк, его можно срезать в любом ореховом кусте. Для маскировки у него есть в сумке капроновая сетка, которую можно потом использовать на любом озере.

Нарушитель прошел через границу, как задумал, и около девяти часов утра углубился в лес на советской стороне.

Туман давно уже рассеялся, из кустов медленно продиралось солнце, простреливая красным лучом густую листву на мощных дубах, попадая в верхние опоры потемневшей от непогоды и старости деревянной вышки. Она стояла на польской стороне, и ею давно уже никто не пользовался.

Когда Виктор Шабашев и Солпар Эмилов поравнялись с вышкой, утро было в полном разгаре. От яркого солнца на листве светилась каждая росинка. Взрыхленная на полосе свежая супесь успела уже слегка привянуть.

Первым заметил след Виктор Шабашев.

– Погляди, Солпар, какая-то очень странная зверюга проволочилась по песку.

Привычным движением Солпар поправил на плече автомат, подошел к самому краю и пригнулся, будто не веря своим глазам.

– Вроде птица в песке купалась, – проговорил Солпар.

– А по-моему, подранок тетерев или тетерка крыло подбитое волочила... Смотри – царапала краешком, вихляла будто бы... – Говоря это, Виктор на первых минутах пытался убедить самого себя. Не могло быть, чтобы это проделал человек, полоска узенькая, местами видны крестовинки от лап, по бокам не сплошные бороздки – крыло, да и только! Совсем недавно на этом месте ничего не было.

– Как ты думаешь, Солпар? – пытливо поглядывая на старшего наряда, спросил Виктор.

– Птица ли, шайтан ли еще какой, все равно доложить надо. Собака придет, и все станет ясно. Вот так я думаю.

– Правильно думаешь.

– А как же иначе? – Солпар вынул из чехла трубку и, разматывая на ходу шнур, побежал к розетке.

IV

В это раннее утро на соседней заставе было тихо и спокойно. У стены жилого дома рылись цыплята, а неподалеку, на солнцепеке, копались в песке дети майора Ивана Александровича Засветаева – мальчик и девочка. Игорь нашел где-то старые конторские счета, снял с проволочек костяшки и выкладывал из них аккуратный и безошибочно точный в диаметре кружочек, а в дырки костяшек втыкал веточки. Дети – близнецы и очень дружны. Лариска, склонив головку с побелевшими от солнца косичками, нянчит котенка, завернутого в синюю тряпку, – кусок старого солдатского одеяла. Укачивая притихшего зверька, говорит ему нежные, совсем не детские слова.

Подошел ефрейтор Мельник, склонившись к Игорю, спросил:

– Что это у тебя получается, Игорек?

– Лес.

– А-а! Ле-е-ес! А чего вы сегодня так рано встали?

– Потому что поедем на озеро, за смородиной, – вмешалась Лариска.

Миша Мельник тоже поднялся чуть свет и ждет повара Сашу Дегтяря, который чистит и моет на речке рыбу. Они затеяли вместе одно важное дело, и теперь Мельник не найдет себе места, благо, у него сегодня выходной. А затеял в основном он, Михаил, непоседливый и немного баламутный парень. Пришел вчера вечером на кухню, в каждой руке держит за матерчатые ушки по сапогу. Спрашивает у Дегтяря:

– Ну и как ты?

– Що как?

– Будешь робить, бо раздумал. – Мельник словно заговорщик переходит на шепот.

– Да хотел бы... – не совсем уверенно отвечает повар.

– Зробим и баста. А то длинные холявы, як бутылки пидпирають аж пид самые жилы...

– Ну шо ж, делать так делать, – подавляя вздох, говорит Дегтярь. Он немножко робел перед Мишкиной затеей.

– Сомневаешься?

– Неизвестно, що з того получится...

– Ну а я тобі дурень, чи що?

– Ты же сам не делал?

– Тю-юу!

– Як спортим... Вот и будет тю-у...

– Тянуть на матузках, як у саперов, такие нам не треба, – решительно говорит Мельник. – Мы будем робить акадэмічески, – напирая на букву э, продолжал Михаил. – Потянем на утюжок, добре смажем кремом. Всю матчасть я уже припас, будь ласка...

Ребята получили новые яловые сапоги и решили сделать их голенища гармошками.

Мода на них вспыхнула внезапно, как эпидемия. Привезли ее сельские доморощенные щеголи и недалеко ушедшие от них современные модники с окраин больших городов, презирающие брюки дудочкой и узконосые ботинки. Сплюснвая голенища, они стали носить широкие брюки с напуском – а ля атаман Платов или цыган Кешка с кушевских ярмарок... Это древнее, как мир, щегольство проникло и в армию. Саперы, о которых вспомнил ефрейтор Мельник, строили мост и заразили первогодников пограничной заставы. Однако гармошки у щеголей, из саперного батальона выглядели неказисто, потому что делались самым примитивным образом. Просто к ушкам сапог привязывалась веревочка и стягивала голенища вниз, они морщились – вот и вся механика.

– Нам надо сварить холявки, а потом уж добре утюжком, буде ось як! – восторженно проговорил Мельник.

– Можно и зварить, – сказал Дегтярь. Он великолепно варил борщи и рассольники, но не знал толком, как нужно заваривать сапоги. Не умел этого делать и языкастый, озорной Мишка Мельник, но делал вид, что он великий спец по гармошкам.

Пришел ужинать тихий, малоречивый инструктор собак сержант Григорий Галашкин. Узнав, в чем дело, он тоже решил форснуть, но категорически отверг их технологию.

– Ты башковитый по собакам, а в гармошках ты ни черта не разумеешь, – сказал Мельник. – Мы с Дегтярем сами провернем это дело...

– Валяйте. Тогда я свои сварю отдельно, в собачьем котле. Поглядим, чьи станут красивее, – непримиримо ответил сержант, и они разошлись.

Выбрав свободный час, Дегтярь с Мельником заперлись в подсобке и начали колдовать над своими новенькими яловыми, только что полученными на втором году службы сапогами. Подержав в крутом кипятке, тянули, мяли голенища, разглаживали горячим утюгом, потом сжимали кожу в гармошку, пытались придать им разудалый, шикарный вид. На ночь вытащили сапоги за казарму и поставили сушить на нагретый за день асфальт, а наутро, поднявшись чуть свет, Дегтярь принес их досушивать в подсобку, предусмотрительно накрыв куском старого солдатского одеяла. Урывками на кухню забежал Мельник и нетерпеливо спрашивал:

– Ну, як они там?

– Сохнуть, – тихо и неохотно отвечал Дегтярь. Он тоже часто наведывался в подсобку и давно уже заметил, что его сапоги стали какими-то подозрительно разными – левый выглядел солидно и браво, а вот правый все больше увядал, сморщивался и сгибался, словно старый, начавший дряхлеть гриб, и поразительно, прямо на глазах, уменьшался. С сапогами ефрейтора тоже было не все ладно – они сильно сузились в голенищах и с прямо-таки несообразным нахальством задрали носы. Чтобы не поднимать паники, Дегтярь решил пока до поры до времени молчать. Правда, всей технологией руководил Мельник, но зато основная, производственная часть лежала на поваре – лично он окунал сапоги в кипяток, грел утюг, мазал кремом голенища, растягивал, делал все добросовестно, как на кухне...

К завтраку появился сержант Галашкин. До этого он всем казался тихоней, а тут, вскинув белесые ресницы, громким ликующим голосом изрек:

– Вот у меня вышло, да-а!

– А ну Расскажи, як ты творил, – в один голос спросили Дегтярь и Мельник.

– Плоскогубцами, – с вызывающе убийственной краткостью ответил сержант.

– О-о-о! – простонал Мельник, будто его ударили в самое сердце. – А мы ж, идиоты! Тянули, сжимали пальцами. Я аж все ногти поломал, пока тягал те проклятущие холявы!

– Значит, у тебя здорово получилось? – с тревогой в голосе спросил Дегтярь.

– Высший класс! Тихо и спокойно в собачьем котле на легком огоньке проварил, потом разгладил и так зажал плоскогубцами, что будь здоров! – с видом победителя поглядывая на Мельника, торжественно произнес Галашкин.

Опасное собеседование оборвалось на самом горячем месте. В столовую вошел яростный ненавистник гармошек старшина Тихон Иванович. Выдавая новые сапоги, он строго-настрого предупредил всех, что будет за порчу государственного имущества крепко взыскивать, тем более, что мода на гармошки стала появляться и на других заставах. Тихон Иванович недавно бросил курить, оттого был последние дни особенно строг и придиричив, чутье у него обострилось, как у заставской овчарки. Дернув свой темный запорожский ус, он понюхал воздух, спросил:

– А чем это тут, Дегтярь, у тебя на кухне пахнет?

– Пищей, товарищ старшина, – с неестественной бодростью ответил Дегтярь.

– Не та пища... По-моему, чем-то тухлым воняет. Зараз погляди кругом и приберись, как положено.

Резанувший по ноздрям запах Тихон Иванович запил кружкой молока, не спеша, с какой-то рассеянной неторопливостью вытер усы, похлопал ладонями по пустым карманам, удалился, так и не угадав, что пахнет терпкой, распаренной юфтой.

– Может, он уже догадался? – настороженно спросил Мельник и нетерпеливо откинул к уху пышный зачес светлых волос.

– Нипочем. Зараз побегит до дому, зыист кус домашнего сала и придет чай пить. Это у него вместо сигарок, режим теперь такой...

– Ну а вдруг ему кольнет заглянуть в подсобку? – не успокаивался Мишка.

– Не увидит. Все сховано.

– Ты гляди.

– Будь покоен.

– К вечеру пидсохнут, як ты разумиешь? А то ведь нема в чем на боевой расчет ийти.

– Должны пидсохнуть, – предчувствуя недоброе, ответил повар.

Отдохнув после ночного дежурства, Мельник побежал было на кухню. Дружка там не оказалось, и подсобка была заперта. Узнав от дежурного, что дружок его пошел на реку, побегал туда и Михаил, но там, кроме прачки, никого не было. Он постоял на берегу, посмотрел, как ласточки пикируют за комарами. На той стороне купались ребятишки. Одна девчонка, самая озорная, сестра красавицы Люцинки, Олеська, кувыркалась через голову. Вскоре Мельник снова вернулся к черному ходу кухни. День становился все жарче. На яблонях поникли листья, слепень звонко ударился об оконное стекло и сердито загудел. Где-то близко, совсем рядом, словно поднимая тревогу, на высокой непрерывной ноте запел шмель.

«А вдруг зараз тревога, вот мне будут гармошки», – подумал Мельник. Говоря по правде, он был хорошим солдатом, отлично нес службу старшего наряда, и вдруг к нему, как мозольный пластырь, прилипла мода на гармошки. Он уже и сам был не рад, что поддался на удочку модников из саперной роты. Сегодня с самого утра не терпелось взглянуть, что же получилось с голенищами?

Наконец из кладовой, где безраздельно властвовал старшина, показался белый колпак Саши Дегтяря. Мельник, щеголяя тапочками на босую ногу, пошел повару навстречу.

– Может, тебе подсобить, Сашка? – спросил Мельник.

– Сам донесу, – ответил Дегтярь. В одной руке он держал мешочек с горохом, а в другой тарелку с большим куском янтарно-желтого сливочного масла.

В подсобку они вошли вместе. Мельник сдернул синюю тряпку, и вид двух пар сапог чуть не сразил модников наповал. У Мишкиных, словно кончики лыж, неимоверно задрались носы, а сморщенные голенища накренились вперед.

– Э-э-э! Еж тоби в колючки! – Мельник всплеснул руками. – Да чего ж они по-собачьи очерились! А твои-то, Саша, твои! Пляши и смейся! – С сапогами повара произошло совсем невероятное. У одного сборки на голенище, как меха баяна, крупно дыбились, а у другого, словно у саратовской гармошки, мелко сжались. Самый же главный изъян у второго сапога был тот, что он бессовестно «пидсох» – стал узким и маленьким.

Ошарашенные этой удивительной переменой, Дегтярь и Мельник застыли на месте, вслушиваясь в тревожные звуки ревуна и пронзительный голос дежурного по заставе:

– В ружьё!

– Вот тоби и пидсохли, щоб ты плясал и смеялся... – С покрасневшим от натуги лицом Мельник кое-как натянул полусырые сапоги и, с ужасом взглянув на изуродованные голенища, кинулся из подсобки вон, помня, что у начальника заставы майора Засветаева не замешкаешься...

У Дегтяря дело было совсем плохо: правый, чрезмерно усохший сапог на ногу не лез, а левый наделся с трудом лишь на босую ногу. Повар столько провозился с ними, что едва не опоздал в строй. Встать пришлось не на свое обычное место, а приткнуться на левый фланг

в затылок Володе Ицынкову. Последним прибежал Гриша Галашкин. Мелькая странно удлинёнными ногами, он пристроился на правом фланге второй шеренги. Все трое чувствовали себя прескверно. Мельник морщился, будто ноги у него были скованы железными путами, которыми куют лошадей... Дегтярю казалось, что у него на правой ноге вообще нет голенища – оно съехало куда-то вниз и чувствительно давило на подъем и задник. Галашкин ощущал в ногах этакую хореографическую легкость – его сапожки настолько уварились и сели, что их даже не видно было первой шеренге. Однако у старшины Тихона Ивановича глаз был наметан так, что уловка сержанта Галашкина, постные, удрученные лица Дегтяря и Мельника от него не укрылись. Он сразу же понял, что эти модники проделали со своими новыми сапогами. Они были до того потешны, что старшине стоило большого труда, чтобы удержаться от хохота.

Майор Засветаев сообщил обстановку – нарушена граница на соседней заставе – и отдал боевой приказ на поиск. В помощь соседу направлялись Галашкин с собакой Амуром и ефрейтор Мельник, который именно в этот день нашёл на зелёные погоны золотистые лычки.

– Стоишь, старшина, перед строем да ещё во время отдачи боевого приказа посмеиваешься, куда это годится, – недовольно проговорил начальник заставы, когда они вошли в канцелярию. У него было широкое русское лицо, плотная крутоплечая фигура, привычно затянутая ремнями.

– Да, тут такое дело, товарищ майор, я думал, ей-ей помру, – ответил старшина.

– Помирать ты можешь, но только не перед строем. – Иван Александрович, нахмутив кустистые брови, стал доставать из сейфа обоймы с патронами для своего пистолета.

– Да не можно ж терпеть!

– А в чем дело?

– Разрешите на минутку позвать сержанта Галашкина да еще тех артистов – Дегтяря с Мельником. Только на одну хвлыночку...

– Ни одной хвлыночки у них в резерве нет. Они едут вместе со мной по обстановке.

– Да вы побачте, в чем они поедут и как поедут! Ха!

– Поедут, в чем есть, – решительно проговорил Засветаев.

– А вы, товарищ майор, обратили внимание на их чоботы?

– Обратил и на чоботы, и на великолепные гармошки...

– Так вы сами бачили?

– Не будем повторяться, старшина.

– Да ведь, товарищ майор...

– Закончен разговор. Пошли.

– А вдруг там начальство устренет...

– Даже непременно встретится.

Поскрипывая новыми юфтовыми сапогами, с нормальными, до колен, голенищами, майор вышел из казармы. Резервная группа была выстроена под щитком, где обычно заряжалось оружие. За садовой калиткой пофыркивал мотором «газик». Овчарка рвалась на поводке и тоненько скулила.

– К машине! Бегом! Марш! – скомандовал майор и первым побежал по густой траве молодого сада. За ним рванулся Амур и потащил за собой инструктора.

Солдаты быстро разместились под брезентом «газика». Последним влезли инструктор с собакой и майор. Детишки его – Игорек и Лариса, как обычно, вертелись тут же. А когда машина тронулась, дотошный Игорек крикнул:

– А нечем у Халашкина сапожки такие маленькие?

– Галашкина, а не Халашкина. Не путай, – внесла поправку Лариса. – Она верховодила над братом, потому что родилась раньше его на два часа. – А сапожки Гриша пидкрутил... этим... – Лариса защелкала пальчиками. – Еще Бондаренко, помнишь, тоже пидкручивал?

– А ты зачем говоришь «пидкручивал». Нельзя так говорить. А делают это плоскогубцами, – вспомнил Игорек.

– Так и я это самое хотела сказать!

Дети взялись за руки и направились к дому. Они знали, что если на заставе тревога, то поездка за смородиной не состоится. Нет – так нет. У них здесь есть немалый выбор разных игр и развлечений: можно поиграть в песочке, полить свои грядки, взять удочку и побежать на Черную Ганьчу. Там с полуразрушенного шлюза шумно падает вода и бежит по Августовскому каналу, травы в воде извиваются, словно змеи, около них юрко снуют уклейки, охотясь за мошкой, по песчаному дну лениво ползают пескари, а если хорошенько затаиться под кустиком, можно подкараулить красноперок. Степенно пошевеливая ярко-красными плавниками, они поднимаются почти на самую поверхность, могут жадно цапнуть брошенного с крючком кузнечика и, блеснув на солнце золотистой чешуйкой, очутиться на берегу... Сколько радости и веселья!

Вот и канал, с белым домиком на бережку, заставской баней, откуда доносится шум стиральной машины. Это Мартыновна – прачка, полощет белье. А из деревни Гусарской пришли купаться ребята, с ними Люцинка. Что за прелесть эта Люцинка! В красном купальнике она стоит на той стороне канала, выжимает мокрую темную свою косу и приветливо машет рукой. Люцинке, наверное, уже шестнадцать лет, но она умеет приветить ласковой улыбкой и больших, и малых. Родители Люцинки дружат с семьей майора Засветаева и часто бывают на заставе.

– Люциночка, любая, плывите с Олесей к нам! – кричит с мостков Лариса.

– Мы уже, Ларочка, выкупались и наплавались! Мы собираемся в лес за грибами, а мне еще в школу надо забежать.

– А мы тоже пойдем с Лариской в школу, – заявил Игорек. – Нам уже книжки и форму купили!

– Хорошо, Игоречек, хорошо! – весело откликается Люцинка.

– А мы на велосипедах! – звонко голосит круглолицая Олеся.

– Ехайте к нам через дальний мостик! – подхватывает в ответ Лариска.

Когда-то здесь через Черную Ганьчу был перекинут пешеходный мостик. Дети запросто бегали в ближайшее село Гусарское и приводили на заставу гостей. Так стали проникать в заставский клуб и вот такие голубоглазые Люцинки. Появились любители обратных визитов и среди солдат. В казарме иногда стало попахивать самогончиком. Правда, это было в первые месяцы, когда Иван Александрович, еще будучи старшим лейтенантом, принял заставу. Чтобы раз и навсегда пресечь визитерские набеги в Гусарское, Засветаев приказал – в качестве крайней меры – разобрать мостик. Теперь из воды лишь торчали одни заросшие зеленым мхом сваи. По ним уже не проскочишь, не замочив штанов, а бежать на дальний мост более двух километров... да еще на виду у часового с металлической вышки – себе дороже... Но несмотря на отдаленные мостики, жители пограничных деревень все равно крепко связаны дружбой с пограничниками. Всенародное дело охраны государственной границы вырастает в сознание людей с малых лет. В этом особенно активны и бдительны дети – юные друзья пограничников.

V

В этот праздничный день десятилетние школьники Юстас и Пятрас рано утром выехали на велосипедах из села Вылковышки и покатали к реке Записе на рыбалку. За околицей ребят радостно встретила золотистая волна поспевающей ржи, а за нею показался заманчивый Шештокайский бор, где можно прислонить машины к любому дереву и срезать в брусничнике толстоногого боровика в рыжей шапке. А если не поленишься и свернуть на знакомую тропку, провести велосипеды километра два в руках, нырнуть в березнячок и очутиться в густущем малиннике, вот где раздолье-то! Ягоды сами в рот падают...

На этот раз Юстас и Пятрас боровика не срезали и в малинник не заглянули. У самого поворота на сосновой, разбитой грозой колоде, опустив голову к рыжей вместительной сумке на молнии, сидел человек в серой спортивной куртке. Услышав шум, он поднял голову с вскоченными волосами, смахнул с низкого лба влажные от пота пряди. Это был Изодас. От того что питался он вот уже несколько дней всухомятку, а может быть, от излишнего употребления шоколада и чрезмерно быстрой ходьбы у него начались острые колики. Теперь он не только не мог быстро двигаться, но с трудом тащил тяжелейшую сумку.

– Ох, хлопчики, сам бог вас послал, – вытирая платком лицо, проговорил Изодас.

Мальчики сошли с велосипедов и не без любопытства стали рассматривать незнакомого человека. Юстас и Пятрас были приучены не спрашивать у старших, куда и зачем они идут или едут. Если будет нужно, сами скажут. Хорошо знал эти правила и Изодас. Он сам объяснил хлопчикам, что приехал на попутной машине, и ему нужно попасть домой, где его ждет сестра, да вот внезапно заболел и даже не в состоянии нести сумку. Не могут ли хлопчики подвезти сумку хотя бы до ближайшей деревни, а там он наймет машину или лошадь в колхозе.

– А у нас нет колхоза, – ответил словоохотливый и добрый по характеру Пятрас.

– Куда же он делся? – Глаза Изодаса возбужденно и строго блеснули. Для убедительности он напомнил мальчикам прежнее название колхоза.

– У нас давно уже совхоз, – возразил Юстас. Он был не особенно расположен к излишним разговорам, да и на речку хотелось попасть поскорее. Но тут опять вмешался Пятрас и начал портить все дело.

– Совхоз или колхоз, дядечку, что до того? Раз нужно помочь, ну так и давай, Юстас, поможем! – с увлечением проговорил Пятрас.

Юстас ничего не ответил, а только пожал плечами.

– Сумку можно пристроить на мой багажник, – сказал Пятрас.

– На твой, пусть на твой... – Юстас рассеянно смотрел на пыльную дорогу. Его вовсе не интересовали вещи незнакомца, которые сейчас Пятрас пристраивал на свой багажник, приговаривая:

– Какой отличный багажник! Отец смастерил. Он привязывает сюда целый мешок картошки.

– Ах, хлопчики, чем мне вас отблагодарить! – с искренним волнением в голосе заговорил Изодас. Ему было отчего волноваться: все утро он стремился к тому, чтобы как можно дальше оторваться от границы. Он растроганно стал оделять мальчиков шоколадом, сопровождая подарок восторженными словами.

При виде ярко-зеленой обложки у Пятраса замаслились глаза. Юстас повертел шоколад в руке и нехотя, словно по принуждению, сунул подарок в задний карман синих трикотажных штанишек. Повышенное внимание незнакомца и шоколад нисколько не соблазнили мальчика, наоборот – ему вдруг расхотелось тащиться вслед за тяжелой кладью этого дядьки. Неприятна была не только его нарочитая ласковость, но и само лицо, здорово искусанное комарами,

всклокоченные волосы, кепка с черной пряжкой и даже рыжие тупоносые башмаки на толстой подошве.

После того как сумка была привязана к багажнику Пятраса, они вдвоем с незнакомцем, держась с двух сторон за рогульки руля, повели велосипед вперед.

«Ухватились, как за коровьи рога. Ха!» – мысленно усмехнулся Юстас. – «С этим Пятрасом никогда спокойно не доедешь до места, то он посадит впереди себя какого-нибудь мальчугана-приятеля, то девчонку Олеську из Гусарского. А она такой сорванец! Как-то схватила его, Юстаса, машину, села верхом на раму – до седла-то не достает – и давай крутить педали. Так раскрутила, что прямо на дерево наехала, и будь здоров, какая восьмерка получилась!»

Размышляя таким образом, Юстас немножко приотстал.

Сейчас бы крючок забросить возле лапушка, а тут плетись...

По гладкой, хорошо укатанной дороге прошли метров двести, а может, чуть-чуть побольше. У Пятраса было совсем иное настроение – плитка шоколада не давала ему покоя, оттягивала карман и явно просилась, чтобы ее поместили в другое место... Однако развертывать на ходу было неудобно – руки заняты, да и перед Юстасом неловко, он терпеливый и один ни за что есть не станет. Пятрас был любопытен и быстро разговорился с дядечкой, успел узнать, как его зовут.

– У меня есть двоюродный брат, и его тоже зовут Изодасом.

– Вот и добре, что у меня есть тезка, твой родственник, – кивнул Изодас. Он рассеянно слушал болтовню мальчика. Поначалу в этой встрече он почувал опасность, теперь же она могла служить ему надежным прикрытием. Кому придет в голову узнавать, с кем едут мальчишки? Его не устраивало лишь медленное движение. Сославшись на усталость, Изодас попросил у Пятраса разрешения проехать немного одному.

– Отчего же нельзя! – согласился Пятрас. – А мы прокатимся с Юстасом на его машине. – Пятрасу и самому надоело тащить за руль тяжелую отцовскую машину.

Изодас уверенно опустил в седло и сразу с места набрал большую скорость. Покатили вслед за ним и мальчишки, удаляясь от границы все дальше и дальше. Изодас увеличивал ход. Быстрее замелькали на обочинах желтые свечкастые сосны, словно отступая, убегали назад березки и ели.

– И долго мы будем везти этого дядьку? – натуженно нажимая па педали, спросил Юстас.

– Не знаю...

– Кто, же знает?

– А ты как разумиешь?

– А я разумию так: доедем до мостика через Записе – и баста!

– Так ему же надо дальше...

– Дальше, не дальше... А от мостика выкручивать по песку на гору? Ха! Да и нам надо скорее на рыбалку. Мы же едем на рыбалку или не едем?

– Конечно, едем, только вот...

– Или ты думаешь, что я тебя буду терпеть до самого Лоздия? Как бы не так!

– А шоколад?

– А ты полагаешь, что за шмоток шоколада я его и вашу мосць повезу до озера Дуся? Ха! – Юстас горячо задышал Пятрасу в ухо.

– Ну так ему надо сказать!

– Ну и скажем!

– А кто будет говорить? – спросил Пятрас.

– Ты дал ему машину, ты и скажешь, – решительно ответил Юстас.

– Почему именно я? – возмутился Пятрас. – Если мой багажник и машина, так я еще должен спихнуть его сумку? Интересное кино! Мне тошно сказать человеку такое...

– Ха, как будто мне так уж сладко, чтобы ты елозил своей попкой на моей раме...

- Если тебе, ваша мосць, мешает мой зад, так я могу сойти к чертову быдлу!
- И очень шикарно сделаешь. Как довезу до мостика, так и сам спихну.
- Ну и давай, спихивай!

Велосипед Юстаса заюлил из стороны в сторону, и Пятрас на самом деле чуть не слетел в кювет.

- Если ты меня свалишь...
- И свалю, если не помолчишь, – пообещал Юстас.

Пятрас отлично знал характер своего друга – может и свалить, а то бычком упрется, так что трактором не стащишь, а еще начнет лепить в тебя разные словечки: и литовские, и белорусские, и польские, вроде «ваша мосць». Уж такой он есть, Юстас Пяткавичус. Сказать по правде, Пятрасу тоже изрядно надоело подпрыгивать на раме, да и не так уж мягко на ней сидеть... А от мостика через Записие начнется подъем, рыхлый песок на дороге, придется опять тащить машины за руль.

Лес кончился. Мелькнули на опушке и остались позади последние кусты орешника. Подпрыгивая на неровностях, велосипеды бойко катились под уклон, через поле, засеянное смесью стручкового люпина и овса, сверкавшего на утреннем солнце белесыми сережками. От моста желтая полоса дороги, прорезая песчаный изволок, стрелой вонзалась в дыбящийся за полем мощный, величавый сосновый бор.

– Как только подкачу к речке, так ты можешь, ваша мосць, убираться к тому самому быдлу, – проговорил Юстас.

Пятрас не отвечал.

– Уж дальше я не поеду, привет!

Друг его продолжал помалкивать.

– Ты можешь выклянчить у тех тупоносых башмаков еще себе шоколадку и кати с ним хоть до самого Кудрикоса, – не унимался Юстас.

– Юстас, если ты ляпнешь хоть одно словечко, я тебя смажу! – взорвался наконец Пятрас.

VI

Такого дерзкого – среди белого дня – нарушения границы на этом участке давно уже не было. Машина шла по лесной дороге на высокой скорости, временами на мягком сыпучем грунте на весь лес завывала мотором. Тревожная группа во главе с майором Андреевым спешила к месту происшествия. Павел Иванович сидел рядом с водителем. Служебная овчарка Индус, примостившись у ног сержанта Кости Ломакина, беспокойно поглядывала умными, пытливыми глазами на сидящих рядом солдат.

Уже по дороге майор мысленно разработал план предстоящего поиска и, не дожидаясь решения начальника отряда, приказал младшему лейтенанту Терехову приготовить еще одну поисковую группу с целью перекрыть большак. Сосед справа, как он предполагал, выдвинет свою группу в направлении Пренайских болот, слева поможет майор Засветаев и начнет поиск в районе Шештокайского бора. Выход в глубокий тыл из района озера Дуся перекроют дружинники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.